

CLIV 4/54.

РЕЛИГІОЗНЫЕ МОТИВЫ

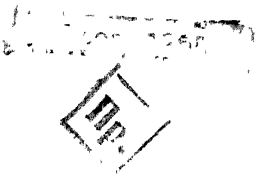
ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ

А. С. ПУШКИНА.

С. Г. Рункевичъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. П Лопухина (Телѣжный пер. № 3—5).
1899.

1 К



Извлечено изъ журнала „Христіанское Чтеніе“ вып. V, за 1899 годъ

3401
Наук
333
37

Религіозные мотивы

въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина.

I.

Общее настроеніе Пушкина.

Судя по нѣкоторымъ біографическимъ даннымъ [1]), Пушкинъ былъ воспитанъ въ правилахъ религіи. Но рано начавшаяся школьная самостоятельность въ кружкѣ жизнерадостныхъ товарищей изъ такъ называемаго свѣтскаго общества, гдѣ жизнь кипѣла радостями бытія и царствовали почти исключительно эстетическіе идеалы, заставила увлекающагося юношу запрятать религіозные порывы на самую глубину души и, напротивъ, шумно выказывать свое служеніе тѣмъ кумирамъ, которымъ покланялись всѣ. Этому болѣе всего способствовала и слава, которую Пушкинъ испробовалъ весьма рано, конечно, къ ней пристрастился и естественно старался не сойти съ пьедестала, на который былъ поставленъ во мнѣніи окружающихъ. Однако, въ душѣ Пушкинъ никогда не былъ нерелигіознымъ, говѣлъ, исповѣдывался, заказывалъ заупокойныя обѣдни [2]), вчитывался въ Библію [3]), хотя въ то же время

[1]) Отецъ Пушкина въ 1824 году укорялъ его, что онъ „преподавалъ“ безбожіе своему младшему брату и сестрѣ.—Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 3-е А. С. Суворина, Спб. 1887 г. Томъ VIII, стр. 221.

[2]) Томъ VIII, 3. 142.

[3]) Томъ VIII, 123. 126. 130. 207—въ 1823 и 1825 годахъ

не упускалъ случая пошутить ради остроумія и надъ предметами, относящимися до религіи [1]), или выраженіями изъ Священнаго Писанія [2]). Шутки эти были, конечно, мало приличны, но все же не переходили границъ, иногда допускаемыхъ въ вольныхъ разговорахъ такъ называемаго приличнаго общества и лицами, вполнѣ и искренно приверженными къ религіи. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ, къ удивленію, какъ бы для совершеннаго искупленія своего напускного грѣха, даже «пострадалъ» за свой «атеизмъ», о которомъ онъ иногда шумно говорилъ, но которому никогда не слѣдовалъ. Ища, какъ поэтъ, новыхъ впечатлѣній, а можетъ быть и слѣдуя модѣ, онъ, проживая въ Кишиневѣ, записался въ массонскую ложу, а въ одномъ письмѣ изъ Одессы, отъ 1824 года, демонстративно высказывалъ похвалу гостившему тогда въ Одессѣ англичанину, хваставшему своимъ атеизмомъ (и бывшему впослѣдствіи пасторомъ), причисляя себя къ его послѣдователямъ. За это письмо, сдѣлавшееся извѣстнымъ императору Александру I, Пушкинъ былъ высланъ въ свою деревню [3]). Два года спустя, въ оффиціальной, правда, бумагѣ, но, мы не можемъ сомнѣваться, вполнѣ искренно, Пушкинъ назвалъ этотъ свой поступокъ легкомысленнымъ и достойнымъ всякаго порицанія [4]).

Первые звуки пушкинской лиры посвящены словамъ любви, — именно словамъ, а не самому чувству, потому что въ тѣ годы, когда Пушкинъ писалъ первое изъ напечатанныхъ свое стихотвореніе — къ Деліи драгой [5]), любовь бываетъ не вѣдома человѣческому сердцу, которое еще дремлетъ, и то, что называютъ въ такіе годы именемъ любви, обыкновенно ограничивается фантастическими мечтами дѣтской

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1823 года цѣлуетъ ручки и желаетъ счастья на землѣ, „умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній“. Въ письмахъ 1824 года: „ѣду завтра въ Св. Горы и велю отпѣть молебенъ или паннихиду, смотря по тому, что дешевле“; „няня ѣздила въ Св. Горы и отправила паннихиду, или что было нужно“. Въ письмѣ 1825 года: „я заказалъ обѣдню за упокой души его (Байрона). Мой попъ удивился моей набожности“. Въ письмѣ 1826 года: „теперь у ней (у няни) попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ“. — Томъ VIII, 210. 122. 127. 29. 53.

[2]) Томъ VIII, 230. 241.

[3]) Томъ VIII, 207—208. 333—334. 234. 236.

[4]) Томъ VIII, 235.

[5]) Томъ X, 1 и 2. Ему было только 12 лѣтъ.

головы. Обыкновенныя въ такомъ возрастѣ у дѣтей, много читавшихъ и развитыхъ, фразы о нѣжности, измѣнѣ, разлукѣ, также нашли себѣ мѣсто у Пушкина. Весь этотъ сумбуръ и заполнялъ цѣликомъ струны его дѣтской лиры, да вдобавокъ не малое количество ничего въ сущности не выражающихъ дѣтскихъ опытовъ изъ набора звонкихъ словъ, простого наигрыванія поэтическихъ гаммъ, бездѣлокъ, шалостей пера, иногда съ нескромными оттѣнками въ выраженіяхъ о женщинахъ и винѣ. Общее жизнерадостное настроеніе не нарушалось даже при упоминаніи о смерти [1]). Въ то же время частое обращеніе къ чувству грусти свидѣтельствовало о скрытой цѣнности настроенія, — потому что въ чувствѣ грусти наиболѣе проявляется глубина человѣческаго духа. Совершенно необычный серьезный мотивъ зазвучалъ въ эти годы только однажды, въ извѣстномъ стихотвореніи «Подъ вечеръ, осенью ненастной» [2]), — мотивъ несчастной материнской любви. Что такое онъ тогда былъ, Пушкинъ довольно удачно выразилъ въ эпитафіи, которую написалъ о себѣ въ 1815 году:

Здѣсь Пушкинъ погребенъ; онъ съ музой молодою,
Съ любовью, лѣностью провелъ веселый вѣкъ,
Не дѣлалъ добраго, — однакожъ былъ душою,
Ей-Богу, добрый человѣкъ [3]).

Тогдашніе его стихи, какъ онъ самъ выражался, представляли собою

Плодъ веселаго досуга

и были

Не для безсмертья рождены [4]).

Темы были пустыя;

Беллона, Муза и Венера —
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца [5]).

Всѣ эти «усы», «бокалы», «вино», «наслажденья», — кумиры, воспѣтые юношескою лирой Пушкина, съ годами естественно пріобрѣтали реальное значеніе и человѣку, у котораго

---

[1]) Томъ X, 25. Стихотвореніе „Опытность“.
[2]) Томъ X, 5—7.
[3]) Томъ X, 94.
[4]) Томъ III, 23—24.
[5]) Томъ III, 50.

проснулась мысль, не могли, конечно, не показаться пустыми. Рано начались разочарованія, посыпались уколы зависти, сердцемъ овладѣвало чувство грусти, — и все это быстро повело къ развитію серьезности и самосознанія. Уже при окончаніи курса въ лицеѣ Пушкинъ пишетъ въ 1816 году:

Душа полна невольной грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ съ тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру [1]).

Въ томъ же году онъ писалъ:

Невидимой стезей
Ушла пора веселости безпечной,
Навѣкъ ушла [2]).

И еще:

Душѣ наскучили парнасскія забавы;
Недолго снились мнѣ мечтанья музъ и славы,
И, строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать
Охота смертная на риѳмахъ лепетать [3]).

Въ изгнаніи Пушкинъ успѣлъ одуматься, узнать

Невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ [4]).

«Проказы утомить успѣли» [5]). «Рано въ буряхъ отцвѣла» «потерянная младость», «легкокрылая», «измѣнила радость и сердце хладное страданью предала», и «сердца рань» «ни что не излечило» [6]). Въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» уже прорываются звуки чувства не напускного, а искренняго, голосъ сердца тронутаго, надорваннаго [7]). Явились иные идеалы

Ужь я не тотъ, [8]) —

пишетъ Пушкинъ.

---

[1]) Томъ X, 115.
[2]) Томъ III, 39.
[3]) Томъ III, 43—44.
[4]) Томъ I, 108. „Кавказскій плѣнникъ".
[5]) Томъ III, 85.
[6]) Томъ I, 122. „Кавказскій плѣнникъ"
[7]) Томъ I, 122 и др.
[8]) Томъ III, 79.

Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ [1]).

Потянуло къ простотѣ [2]), тишинѣ, труду. Онъ промѣнялъ

Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ [3]).

Деревню привѣтствуетъ, какъ

Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья [4]).

Успѣлъ познать

и тихій трудъ, и жажду размышленій [5]).

Теперь другія

мечты,

Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта, и въ тиши

тревожили «сопъ» его души [6]). Ему было стыдно прежнихъ своихъ идоловъ.

Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! Что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты [7])!

Онъ «жалѣетъ», что его «элегіи писаны противъ религіи» [8]). Въ 1830 году пишетъ: «началъ я писать съ тринадцатилѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ

---

[1]) Томъ III, 49—50
[2]) Томъ I, 114.
[3]) Томъ IV, 24
[4]) Тамъ же.
[5]) Томъ III, 87. 230.
[6]) Томъ V, 180.
[7]) Томъ III, 103.
[8]) Томъ VIII, 152.

упрекъ, на совѣсти моей» [1]). Свою перемѣну Пушкинъ превосходно выразилъ въ стихотвореніи:

Возрожденіе.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисупокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней [2]).

Дѣйствительно, что̀ было дурного, было частью напускное, частью паносное. Самъ Пушкинъ говоритъ, что онъ

трезвый межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами [3]),

и «свой даръ», какъ и жизнь, «тратилъ безъ вниманья» [4])

Но перерожденіе не совершается легко. Пушкинъ переросъ себя, переросъ и современное ему общество, порвать установившіяся связи сразу не могъ, и, разрывая ихъ, испытывалъ боль, томленіе жизни [5]), тяжелое чувство духовнаго одиночества. Такое свое состояніе онъ превосходно выразилъ въ стихотвореніи

Эхо, изъ Т. Мура.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ, —
На взякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

---

[1]) Томъ IX, 92.
[2]) Томъ IV, 116 — 117.
[3]) Томъ III, 43.
[4]) Томъ IV, 205.
[5]) Томъ V, 28, 219; IV, 208.

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури, и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ [1])!

Особенное вліяніе на внутреннюю перемѣну Пушкина оказалъ его бракъ. Мать жены Пушкина была религіозна, имѣла даже особую у себя молельню [2]), была религіозна въ душѣ и молодая жена. Когда Пушкинъ женился и обзавелся дѣтьми, безпутныя мысли безпутной юности какъ то сами почти сразу отлетѣли, и ростокъ религіознаго сѣмени въ душѣ былъ пригрѣтъ зародившеюся любовью къ семьѣ, наперекоръ словамъ Пушкина, сказаннымъ въ юности, будто «бракъ холодитъ душу» [3]). Въ письмахъ къ женѣ Пушкинъ почти не опускаетъ случая послать семьѣ горячее «благословеніе» [4]), пишетъ: «цѣлую и крещу» [5]), «Христосъ васъ храни» [6]), «Богъ съ тобою и съ дѣтьми» [7]), «Господь васъ благослови» [8]), «Христосъ съ тобой» [9]), или «Христосъ съ вами» [10]), — и даже такія выраженія, которыя въ обычной рѣчи утратили свое первоначальное значеніе, какъ: «дай Богъ» [11]), или «Богъ вѣсть» [12]), или «одна надежда на Бога» [13]), имѣютъ въ письмахъ Пушкина прямой, серьезный и благоговѣйный смыслъ. Вспоминая въ одномъ изъ писемъ о своей предстоящей смерти и о судьбѣ въ такомъ случаѣ своей семьи, Пушкинъ говоритъ: «ну, дѣлать нечего; Богъ великъ» [14]). Въ письмѣ къ

---

[1]) Томъ IV, 134.
[2]) Томъ VIII. 364 прим.
[3]) Томъ VIII, 49.
[4]) Томъ VIII, 405. 411 418. 419. 423. 431. 433. 437. 439. 442. 442. 445 448 450. 451. 452 453. 455. 456. 558 459. 461. 467. 469. 471. 477. 479.
[5]) Томъ VIII, 426.
[6]) Томъ VIII, 468.
[7]) Томъ VIII, 482.
[8]) Томъ VIII, 462.
[9]) Томъ VIII, 393. 463.
[10]) Томъ VIII, 402. 421. 428. 430. 435. 440 447. 458. 465. 480.
[11]) Томъ VIII, 419. 440. 441 464 512.
[12]) Томъ VIII, 429. 451
[13]) Томъ VIII, 420.
[14]) Томъ VIII, 459.

женѣ отъ 14 іюля 1834 года онъ спрашиваетъ: «всякій ли ты день молишься, стоя въ углу?» [1]), а въ другомъ письмѣ, недолго спустя, (отъ 3 августа), пишетъ: «благодарю тебя за то, что ты Богу молишься на колѣнахъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь, и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня, такъ и для насъ» [2]).

II.

Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ.

Религіозный мотивъ въ собственномъ смыслѣ впервые встрѣчается у Пушкина въ «эпитафіи младенцу», сыну декабриста С. Г. Волконскаго, написанной въ 1816 году.

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца [3])!

Въ 1817 году читано было на выпускномъ экзаменѣ стихотвореніе «Безвѣріе», призывающее пожалѣть одержимаго безвѣріемъ, какъ несчастнаго, который въ своей жизни ничего не видитъ впереди и съ тяжелымъ чувствомъ останавливается у двери гроба, не имѣя сладостной надежды, сообщаемой вѣрою. Заслуживаютъ вниманія въ этомъ стихотвореніи строки, посвященныя вѣрѣ:

Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ: — — —
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О, вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой отпускаешь [4]).

Въ томъ же году Пушкинъ пишетъ въ альбомъ пріятелю шуточное стихотвореніе, въ которомъ говоритъ, что онъ предпочелъ бы «безсмертію души своей безсмертіе своихъ твore-

---

[1]) Томъ VIII, 461.
[2]) Томъ VIII, 464.
[3]) Томъ III, 160.
[4]) Томъ X, 135—137.

ній» [1]). Въ 1819 году, въ одномъ изъ стихотвореній, мечтая о предстоящей попойкѣ и бесѣдѣ съ пріятелемъ, Пушкинъ говоритъ о предметѣ бесѣды, что они будутъ говорить «насчетъ Небеснаго Царя, а иногда на счетъ земного» [2]). Въ томъ же году въ стихотвореніи «Русалка», не вполнѣ ясномъ по мысли, разсказывается, какъ «святой» монахъ-отшельникъ, увидѣвъ русалку, увлекся ею, пересталъ молиться и утопился [3]). Отъ 1821 года остались: «подражаніе» Пѣсни Пѣсней, гл. IV ст. 12—17, два куплета, ничѣмъ не напоминающіе смысла священнаго текста; затѣмъ, шуточное стихотвореніе [4]) «Десятая заповѣдь», гдѣ высказывается, что трудно выполнить ея предписаніе: «не пожелай жены искренняго твоего», если эта жена красива [5]); далѣе, «балъ въ геенѣ», черновые наброски, сущность содержанія которыхъ явствуетъ изъ самаго названія ихъ [6]). Въ томъ же году, въ поэмѣ «Братья Разбойники», Пушкинъ серьезно коснулся религіозныхъ мотивовъ и съ достоинствомъ изобразилъ мученія совѣсти умиравшаго убійцы, страхъ Божія гнѣва, а затѣмъ и тоску раскаянія, охватившую брата умершаго убійцы. послѣ того какъ онъ

грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ

и снова «на прежнюю ловитву пошелъ одинъ» [7]). Эта прекрасная поэма и заканчивается мотивомъ религіознымъ:

въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть —
Она проснется въ черный день [8]).

Въ 1822 году Пушкинъ размышлялъ о загробной жизни:

Быть можетъ съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
Быть можетъ тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,

---

[1]) Томъ III, 55.
[2]) Томъ III, 66.
[3]) Томъ III, 70—72.
[4]) Томъ III, 114—115.
[5]) Томъ IV, 220—221.
[6]) Томъ III, 224—226.
[7]) Томъ I, 140—143
[8]) Томъ I, 144.

Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя [1]).

Въ слѣдующемъ году онъ касается того же вопроса съ другой стороны и снова какъ бы стучится у дверей религіи.

Увы, на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ [2]).

Въ тѣ же два года,—время, кажется, наибольшихъ увлеченій Пушкина безрелигіозностью, встрѣчается неосторожная и неприличная игра священными словами ради, какъ говорится, краснаго словца [3]), которую Пушкинъ покинулъ совсѣмъ только въ самые послѣдніе годы [4]).

О себѣ онъ пишетъ:

Раззѣвавшись отъ обѣдни [5])...

Для описанія похоронъ дяди Евгенія Онѣгина нашлись только слѣдующія слова:

Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись [6]).

Для описанія богослуженія Троицына дня:

Въ день Троицынъ, когда народъ,
Зѣвая, слушаетъ молебенъ [7])...

---

[1]) Томъ III, 117.
[2]) Томъ V, 63. Евгеній Онѣгинъ
[3]) Томъ VIII, 92—93.
[4]) Томъ IV, 110—120.
[5]) Томъ III, 226.
[6]) Томъ V, 33.
[7]) Томъ V, 61.

Ларины, въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ», —

Два раза въ годъ они говѣли,
Любили круглыя качели [1])...

А въ 1824 году Пушкинъ уже знаетъ то высшее чувство, которое испытывала Татьяна, когда

бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души [2]).

Въ томъ же году въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» описывается дальній уголокъ плѣнной польской княжны въ гаремѣ, гдѣ

День и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ. — — —
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранитъ одинъ святой залогъ
Одно божественное чувство [3]). .

Когда грузинка, прежняя любимица хана Гирея, къ которой онъ остылъ, прельщенный новою прекрасною плѣнницей Маріей, вошла ночью въ спальню Маріи, быть можетъ съ намѣреніемъ убить невольную соперницу, то

Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный, —

внезапно пробудили въ душѣ грузинки, забывшей уже вѣру отцовъ, «родное что-то»:

Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольно клонятся колѣни [4])...

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Томъ V, 88.
[3]) Томъ I, 154—155.
[4]) Томъ I, 157—158.

Къ 1824 же году относится нѣсколько переложеній изъ Корана, не лишенныхъ философской глубины мысли [1]).

Въ 1825 году написана была драма «Борисъ Годуновъ», въ которой такіе персонажи, какъ отшельникъ Пименъ, патріархъ, юродивый, царь, давали обильный матеріалъ для религіозныхъ мотивовъ. Однако Пименъ изображенъ только съ типической бытовой стороны, патріархъ остался не очерченъ, юродивый довольно безличенъ, и только царь Борисъ, главный герой драмы, даетъ намъ нѣкоторый матеріалъ. Онъ, при вѣстяхъ о самозванцѣ, предчувствуетъ «небесный громъ» и горе [2]). Ему вспоминаются изъ протекшей жизни нѣкоторые его поступки, оправдываемые такъ называемою дипломатіею, но осуждаемые совѣстью.

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть—
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою,
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ — — —
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста [3]).

Въ домашнемъ быту царь набоженъ. Прощаясь съ дочерью, онъ вспоминаетъ о Богѣ:

Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь [4]).

Почувствовавъ приближеніе кончины, онъ спѣшитъ принять схиму и обращаетъ мысль къ Богу, въ надеждѣ какъ на собственное помилованіе, такъ и на покровительство оставляемому молодому и нѣжно любимому сыну.

О, Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ! — — —

---

[1]) Томъ IV, 221—229.
[2]) Томъ II, 24.
[3]) Томъ II, 25.
[4]) Томъ II, 45.

— — — За все одинъ отвѣчу Богу. — —
— — Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу...
О, милый сынъ! — — — —
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ. — — —
Мать почитай. — — — Люби свою сестру...
— — —
А! схима... такъ! святое постриженье... — — —
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я готовъ [1]).

Въ «Борисѣ Годуновѣ» есть еще застольная молитва за царя, которую читали въ домѣ Шуйскаго, поднимая за ужиномъ послѣдній ковшъ: здравица съ характеромъ набожности.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ избранномъ Тобой, благочестивомъ
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ;
И царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ [2]).

---

[1]) Томъ II, 103—106.
[2]) Томъ II, 37—38.

Въ 1826 году Пушкинъ написалъ всѣмъ вѣроятно памятное со школьныхъ скамей стихотвореніе «Пророкъ» [1]), въ которомъ, въ выраженіяхъ, напоминающихъ библейскій текстъ, изображается аллегорически духовное перерожденіе человѣка, силою Божіею призваннаго къ благовѣстію. Въ томъ же году, въ докладной запискѣ государю о народномъ воспитаніи, Пушкинъ пишетъ: «преобразованіе семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія» [2]).

Къ 1827 году относится стихотвореніе «Ангелъ», въ которомъ религіозный мотивъ заключается только въ названіи: демонъ, увидѣвъ чистаго ангела, тронутый этимъ видѣніемъ, сказалъ, что не все онъ въ мірѣ ненавидѣлъ и не все презиралъ [3]).

Въ 1828 году, въ стихотвореніи «Монастырь на Казбекѣ», Пушкинъ восклицаетъ:

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ! [4]).

Въ «Полтавѣ», написанной въ томъ же году, Кочубей, заключенный въ тюрьмѣ, услышавъ, что «ключъ въ заржавомъ замкѣ гремитъ»,—

Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ

---

[1]) Томъ IV, 19—20.
[2]) Томъ IX, 195.
[3]) Томъ IV, 108.
[4]) Томъ IV, 158.

Излить тоску мольбы своей [1]).

«Но не отшельника святого, онъ гостя узнаетъ иного. свирѣпый Орликъ передъ нимъ»... На плаху ѣхалъ въ позорной телегѣ Кочубей

съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный. — — —

Телега стала. Раздалось

Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. — — —
— — — На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей [2]).

А потомъ, когда

роковой намостъ ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ [3]).

Измѣнникъ Мазепа, притворившись больнымъ,

уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ [4]).

А потомъ, когда правда вышла наружу,

Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ,
Грозя, гремитъ о немъ соборъ,

а прахъ невинныхъ страдальцевъ, Искры и Кочубея,

Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила [5])

---

[1]) Томъ I, 241.
[2]) Томъ I, 251—252.
[3]) Томъ I, 252.
[4]) Томъ I, 255.
[5]) Томъ I, 273—274.

Во время своего «путешествія въ Арзрумъ» въ 1829 году Пушкинъ, говоря о средствахъ распространенія культуры среди нашихъ азіатцевъ, писалъ: «есть наконецъ средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней не совмѣстимо? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? — Обращеніе престарѣлаго рыбака, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается» [1]).

Въ «Домикѣ въ Коломнѣ», 1830 года, описаны нѣкоторыя богомолки въ церкви у Покрова въ Петербургѣ, — «графиня», которая «входила въ церковь съ шумомъ величаво, молилась гордо (гдѣ была горда!)», и вдова съ дочерью Парашей, становившіяся у крылоса налѣво. Параша

Молилась Богу тихо и прилежно.

Самъ авторъ дѣлаетъ отступленіе и насчетъ собственныхъ чувствъ:

---

[1]) Томъ VII, 405—406.

Вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши на яву,
Въ Коломну, къ Покрову, и въ воскресенье
Тамъ слушать русское богослуженье [1]).

Къ 1831 году относится только одно стихотвореніе съ религіознымъ мотивомъ, и то только отчасти: «Къ тѣни полководца», размышленіе у гробницы Кутузова въ казанскомъ соборѣ:

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады — — — и пр. [2]).

Къ 1832 году принадлежатъ два неоконченныхъ отрывка съ «библейскими» мотивами: одинъ отрывокъ носитъ названіе «Юдифь» [3]), другой изображаетъ стараго еврея, читающаго Библію [4]).

Въ 1834 году Пушкинъ, говоря о колоннѣ, которую устроилъ въ своемъ имѣніи графъ Румянцевъ въ память войны 1812 года, пишетъ: «церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ» [5]). Вспоминая о своемъ предстоящемъ погребеніи и мечтая объ отставкѣ и деревенской жизни, Пушкинъ пишетъ женѣ: «мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ (камеръ-юнкерскомъ) кафтанѣ и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ» [6]).

Къ 1836-му году относится нѣсколько мелкихъ стихотвореній съ религіозными мотивами. *** написанное на тему сравненія, что у креста Христова стояли двѣ святыя жены, а нынѣ у дверей храмовъ стоитъ стража [7]); «Кладбище», гдѣ опять идетъ сравненіе кладбища городского и

---

[1]) Томъ IV, 34—35.
[2]) Томъ I, 299. 300. 303.
[3]) Томъ III, 165—166.
[4]) Томъ III, 163—164.
[5]) Томъ IX, 53—54.
[6]) Томъ VIII, 454.
[7]) Томъ IV, 27. Стихотвореніе это, впрочемъ, написано по одному частному случаю.

сельскаго, и предпочтеніе отдается послѣднему [1]). И наконецъ, въ этотъ послѣдній годъ жизни Пушкина, на его поэтической лирѣ прозвучала чудная—

Молитва.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И, падшаго, свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи» [2]).

III.

Духовенство у Пушкина.

Въ первый разъ Пушкинъ вспомнилъ о «священникѣ» въ 1814 году, въ довольно натянутомъ стихотвореніи, гдѣ объ одномъ сельскомъ священникѣ говорится, что

Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный,
Попалися ему навстрѣчу мужики,—
«Послушай, батюшка», сказали простяки:
«Настави грѣшныхъ насъ. Ты пить вѣдь запрещаешь,
Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
И вѣримъ мы тебѣ: да что жъ сегодня самъ»?..
— «Послушайте», сказалъ священникъ мужикамъ,

---

[1]) Томъ IV, 106.
[2]) Томъ IV, 72—73.

«Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте:
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте» [1]).

Это единственное стихотвореніе, цѣликомъ посвященное духовному лицу. Но упоминанія о духовныхъ встрѣчаются и въ другихъ стихотвореніяхъ у Пушкина, хоть и не часто. Наиболѣе пространное упоминаніе—въ стихотвореніи того же года:

Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ Тобою:
Служителей Твоихъ,
Поповъ я городскихъ
Боюсь, боюсь бесѣды,
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа іудеевъ,
Я вовсе не люблю [2]).

Въ 1815 году упоминается «попъ нахмуренный» [3]), въ 1821 году «попъ убогій», т. е. бѣдный,—въ «Братьяхъ Разбойникахъ» подвергавшійся грабежу наравнѣ съ богатымъ жидомъ [4]). «Государь приказалъ *попу* читать молитвы», прибывши на бунтъ въ военныя поселенія новгородскія [5]). Пушкинъ встрѣтилъ на дорогѣ *поповъ*,—озлился, какъ на зайца, который ранѣе перебѣжалъ ему дорогу [6]). Въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ»

Покойника похоронили,
Попы и гости ѣли, пили [7]).

Въ 1824 году Пушкинъ упомянулъ и семинариста:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ,
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ,
Иль съ академикомъ въ чепцѣ [8]).

---

[1]) Томъ III, 4.
[2]) Томъ X, 47—48.
[3]) Томъ X, 64.
[4]) Томъ I, 137.
[5]) Томъ IX, 315.
[6]) Томъ VIII, 420.
[7]) Томъ V, 33.
[8]) Томъ V, 83.

Всюду исключительно одно только упоминаніе, иногда съ типическою чертою, но ни одного цѣльнаго лица. Духовные типы впервые встрѣчаются въ «Борисѣ Годуновѣ», 1825 года, сразу нѣсколько: патріархъ, инокъ-лѣтописецъ, иноки-бродяги и, наконецъ, послушникъ-самозванецъ. Патріархъ появляется съ нѣкоторымъ ореоломъ величія сана: самъ себя онъ характеризуетъ предъ царемъ —

Твой вѣрный богомолецъ
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,

однако подаетъ царю спасительный совѣтъ перенести въ Москву, для успокоенія народныхъ волненій при появленіи самозванца, мощи убіеннаго царевича Димитрія,—совѣтъ, не исполненный царемъ по вліянію хитраго и коварнаго Шуйскаго. Патріархъ при этомъ держитъ цѣлую рѣчь, въ которой разсказывается о случаѣ исцѣленія при мощахъ царевича-младенца [1]).

Инокъ-лѣтописецъ Пименъ — чудный типъ, неподражаемо художественно отлитая фигура

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя.
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ.
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Прошедшее проходитъ предо мною...
Давноль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?

---

[1]) Томъ II, 81—84.

Теперь оно безмолвно и спокойно.
Не много лицъ мнѣ память сохранила,
Не много словъ доходитъ до меня;
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ...
Еще одно послѣднее сказанье.

Просыпается послушникъ Григорій, будущій Гришка Отрепьевъ, спавшій въ келіи Пимена, проситъ у Пимена, по монастырскому обычаю, благословенія, Пименъ его благословляетъ... Григорій разсказываетъ тревожный свой сонъ, предвѣщавшій нѣчто несбыточное, Пименъ ему говоритъ:

Младая кровь играетъ.
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Допынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій завидуетъ его молодой, прежней бранной жизни. Пименъ поучаетъ:

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился,
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу пихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.

Вспоминаются царь Грозный, каявшійся по монастырямъ, царь Ѳедоръ, на престолѣ вздыхавшій «о мирномъ житіи молчальника». Къ сожалѣнію, этотъ чудный образъ отшельника, оста-

вившаго суетный свѣтъ, нѣсколько тронутъ въ своей художественной цѣльности вложеннымъ въ его уста злобнымъ отзывомъ о «царѣ-цареубійцѣ» [1]).

Чернецы Варлаамъ и Мисаилъ, бродяги, пьяницы, для которыхъ «Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все равно, было бы вино», безобразящіе по кабакамъ, пропивающіе собираемую ими милостыню, охарактеризованы въ совершенствѣ, хотя и въ немногихъ строкахъ [2]). Чернецъ Григорій проводитъ, по пьесѣ, въ монастырѣ одно только утро, а далѣе охарактеризовывается ужь не чернецъ, а какъ самозванецъ.

Въ повѣстяхъ у Пушкина духовенство упоминается чаще, чѣмъ въ стихотвореніяхъ. Въ «Дубровскомъ», 1832 года, описывая похороны Дубровскаго, Пушкинъ упоминаетъ о «священникѣ», который шелъ съ дьячкомъ впереди гроба, «воспѣвая погребальныя молитвы» [3]). «Егоровна», отъ имени молодого Дубровскаго, «пригласила попа и весь причетъ церковный на похоронный обѣдъ». «Отецъ Анисимъ, попадья Ѳедоровна и дьячекъ» отправились на этотъ обѣдъ и встрѣтились молодому Дубровскому, который разсердился, что на встрѣчу ему попался «попъ». За обѣдомъ «священникъ» разсуждаетъ, что всѣмъ «отпоютъ вѣчную память», и обижаемымъ и обидчикамъ. Нѣсколько времени спустя, въ ожиданіи браковѣнчанія, помѣщикъ велѣлъ «попу» не отлучаться изъ деревни, а затѣмъ все этотъ же «священникъ вышелъ изъ алтаря» и началъ совершать бракосочетаніе [4]).

Въ «Капитанской Дочкѣ», 1833 года, измѣнившій вѣрноподданической присягѣ «отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ» предъ Пугачевымъ, приводя къ присягѣ ему, «и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы» [5]), такъ какъ не принимавшихъ присяги бунтовщикъ приказывалъ вѣшать. Пушкинъ сообщилъ этому трусу и измѣннику чувство доброты и благожелательности, такъ же, какъ и его супругѣ, попадьѣ, въ еще большей степени [6]).

---

[1]) Томъ II, 13—21.
[2]) Томъ II, 26—34.
[3]) Томъ VI, 139.
[4]) Томъ VI, 140. 141. 142. 208. 217.
[5]) Томъ VI, 309.
[6]) Томъ VI, 371.

Въ «Пиковой Дамѣ», 1834 года, «молодой архіерей произнесъ надгробное слово» въ память умершей графини, отличавшейся въ своей жизни только ворчливостью и скряжничествомъ. «Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное успеніе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилительнымъ приготовленіемъ къ христіанской кончинѣ. Ангелъ смерти обрѣлъ ее, сказалъ ораторъ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи Жениха полунощнаго» [1]).

Наконецъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ 1836 года, въ которомъ Пушкинъ выступилъ съ изложеніемъ своихъ убѣжденій, онъ пишетъ о духовенствѣ: «русское духовенство до Ѳеофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало бы реформаціи въ минуту, когда человѣчество нуждалось больше всего въ единствѣ. Я соглашаюсь, что наше нынѣшнее духовенство отстало. Но хотите знать причину? Оно носитъ бороду, вотъ и все. Оно не принадлежитъ къ хорошему обществу» [2]).

Было бы упущеніемъ не упомянуть еще о стихотвореніи Пушкина, посвященномъ митрополиту московскому Филарету. Пушкинъ написалъ стихотвореніе —

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана? [3]) —

и въ этомъ стихотвореніи изобразилъ томленіе жизнью, въ которой не видится цѣли. Митрополитъ Филаретъ отвѣтилъ на это стихотвореніе стихотвореніемъ же, въ которомъ изъяснилъ, что жизнь дана намъ Творцомъ для разумныхъ цѣлей, а если таковыя нами не видятся, то потому, что утрачены нами вслѣдствіе мятежныхъ страстей. Таковой отвѣтъ московскаго владыки, сіявшаго тогда въ ореолѣ своего величія, плѣнилъ Пушкина, и онъ посвятилъ Филарету восторженное стихотвореніе:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

---

[1]) Томъ VI, 445.
[2]) Томъ VIII, 518.
[3]) Томъ IV, 98

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ [1])

IV.

Заслуги и значеніе Пушкина.

Обращаясь теперь къ общимъ замѣчаніямъ, нельзя не видѣть, что религіозные мотивы не нашли для себя широкаго примѣненія въ поэзіи Пушкина. Въ первый періодъ своего развитія онъ служилъ кумирамъ эстетическаго міровоззрѣнія, его идеалами были идеалы молодости, юности, упоеніе красотою и чашею наслажденій. Затѣмъ наступилъ періодъ, когда развившееся самосознаніе укрѣпило мысль о высокомъ призваніи поэта, и Пушкинъ сталъ смотрѣть на свою предшествовавшую поэтическую дѣятельность, какъ смотрятъ люди созрѣвшіе на годы своей кипучей юности, съ любовью, по отчасти со снисхожденіемъ, отчасти съ укоромъ. Предъ мысленнымъ взоромъ поэта понемногу прорисовывались новые идеалы, но такъ какъ они не имѣли еще въ душѣ отчетливаго и яснаго изображенія, то Пушкинъ забросилъ стихи и принялся за прозу, которая требуетъ меньше, чѣмъ стихи, свободы вдохновенія и допускаетъ возможность принудительной работы: въ прозѣ можно доискиваться истины, а стихами — только

[1]) Томъ VI, 21.

изображать ее. Поэтическая лира великаго поэта отдыхала, лишь изрѣдка издавая волшебные звуки и какъ бы набираясь новыхъ силъ для новыхъ пѣсенъ. Но въ это самое время «ангелъ смерти» набросилъ на нее траурное покрывало: Пушкина не стало.

Потому, что шумныя и звонкія струны первой молодости перестали къ концу жизни Пушкина звучать въ его поэзіи, что онъ переживалъ періодъ, когда его поэтическая лира была въ забросѣ и онъ отдыхалъ на прозѣ; потому, наконецъ, что въ этотъ періодъ, когда, случалось, онъ бралъ лиру въ руки, она издавала чудные по красотѣ звуки, по прежнему плѣнительные въ отношеніи ихъ формы и вдобавокъ захватывавшіе порывами новой силы — безпредѣльности духа и вѣчности,— полагаютъ, что Пушкинъ умеръ въ расцвѣтѣ своего поэтическаго генія, не успѣвъ дать того, что дать онъ имѣлъ.

Но было бы несправедливо высказывать предположенія и ожиданія въ отношеніи къ человѣку, который и безъ того сдѣлалъ довольно. Данный ему отъ природы чудный талантъ онъ безъ устали обрабатывалъ трудомъ, и въ концѣ концовъ достигъ того, что не даромъ называется чародѣемъ русскаго слова, ибо выработалъ такія формы рѣчи, которыя наиболѣе ясно выражаютъ движенія разума, мысль, и превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣхъ не только бывшихъ до него писателей, но «даже и до сего дня», какъ выражались библейскіе бытописатели. А въ своей личности, въ своемъ развитіи, въ своей жизни, и въ своей поэзіи, которая служитъ отображеніемъ всего этого, онъ силою своего поэтическаго генія воплотилъ цѣлый періодъ нашей культурной жизни, періодъ первой четверти XIX столѣтія, оставивъ его потомству какъ бы отлитымъ изъ металла, и этимъ соорудилъ для послѣдующихъ поколѣній цѣлую ступень въ той труднодоступной скалѣ, которая отдѣляетъ истину чистаго и «совершеннаго познанія» отъ тьмы людскаго невѣдѣнія и умственнаго сна, облегчивъ такимъ образомъ путь къ достиженію высшей ея точки — области разума, къ которой медленно и съ великимъ трудомъ идетъ въ своемъ вѣчномъ къ ней стремленіи человѣчество. Въ этомъ великая заслуга Пушкина. Не вина Пушкина, что не обладаетъ совершенствомъ воплощенный имъ періодъ нашей жизни — съ его эстетическимъ міровоззрѣніемъ, съ проблесками религіозныхъ лучей, но съ постояннымъ служеніемъ культу наслажденій и той такъ назы-

ваемой красоты, которая въ своемъ зенитѣ поставляетъ женскую красоту и которая, какъ состоящая въ извѣстной соразмѣрности линій и законченности движеній, по самому существу своему, какъ красота ограниченности, есть красота ограниченная. Геній Пушкина уже провидѣлъ вершины, къ которымъ стремится ощупью все человѣчество, красоту Разума, красоту Безграничности, красоту Духа: pulchritudo tam vetera et tam nova, которая дается уму только послѣ тяжкихъ и долгихъ усилій. На струнахъ пушкинской лиры прорывались уже звуки гимновъ этой вѣчно новой Красотѣ. Но, исполнивъ всею своею жизнью одно дѣло, которое исполнить ему было дано, Пушкинъ не могъ уже совершить другого такого же дѣла, по тому неумолимому закону, по которому человѣкъ, проживъ одну жизнь, не можетъ начать жить снова. Пушкинъ очень мѣтко выразилъ это въ двустишіи 1833 года:

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ [1]).

Запечатлѣвъ въ себѣ цѣлый періодъ нашего развитія, все современное ему общество за цѣлую четверть вѣка, Пушкинъ уже не могъ послужить и отображеніемъ иного періода, для котораго у него, говоря уподобительно, не оставалось мѣста. Выразивъ въ совершенствѣ то, чѣмъ жило современное ему общество, его идеалы, заботы, стремленія, Пушкинъ остановился на вершинѣ самосознанія этого періода, на томъ моментѣ, когда почувствовалось, что идеалы эти не выдерживаютъ критики, заботы ничтожны, стремленія напрасны. Сознаніе такое уже явилось, но силы порвать съ прежнимъ не было. Съ этимъ разрывомъ начинался уже другой періодъ, которому дано олицетвориться въ другой жизни, въ другой личности. Безподобно описалъ это состояніе свое самъ Пушкинъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмые стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:

---

[1]) Томъ V, 73.

Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю [1]).

И много еще вѣковъ пронесется и исчезнетъ, много геніевъ пройдетъ въ ряду вѣчно смѣняющихся человѣческихъ поколѣній, а вершины Разума, «познаніе совершенное», все еще не будутъ достигнуты. Но тѣ, кто своею жизненною работой облегчаютъ человѣчеству его трудный и долгій путь самосознанія и познанія, имѣютъ, конечно, всѣ права на «вѣчную память».

[1]) Томъ IV, 96.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
I	Общее настроеніе Пушкина . . .	3—10
II	Религіозные мотивы въ соч Пушкина	10—20
III	Духовенство у Пушкина . . .	20—26
IV.	Заслуги и значеніе Пушкина	26—29

Книги С. Г. Рункевича:

1 Студенты-проповѣдники Двѣ брошюры. Спб 1892 г. Цѣна 60 коп

2. Исторія минской архіепископіи съ подробнымъ изложеніемъ хода возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною Церковью въ 1795—1797 гг. Изслѣдованіе. Спб 1893. Удостоено уваровской преміи отъ Академіи Наукъ и макарьевской отъ Св Синода. Цѣна 4 руб

3. Краткій историческій очеркъ столѣтія минской епархіи. Минскъ 1893 Рекомендованъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. Цѣна 75 коп

4 Письма аскета. Изъ переписки архимандрита Игнатія Брянчанинова съ С. Д. Нечаевымъ. Спб. 1895

5. Изъ церковно-общественной жизни первой четверти текущаго столѣтія. Письма къ С. Д. Нечаеву проф. Голубинскаго, Стурдзы, архимандрита Фотія и А. С. Пушкина Спб 1896.

5 Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ. Томъ I. 1470—1700 гг. Спб. 1897. Цѣна 3 р.

7 Матеріалы по исторіи минской епархіи 5 выпусковъ. Минскъ. 1892—1894.

8. Епархіальное управленіе православными монастырями и церквами нынѣшней литовской епархіи до учрежденія православной литовской каѳедры Вильна. 1894. Цѣна 15 к.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ:

1. Изъ твореній св. Василія Великаго. Правила богоугодной жизни. Изданіе Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ. Спб. 1898. Цѣна 30 коп.

2. Изъ поученій высокопреосвященнѣйшаго Антонія, нынѣ митрополита с.-петербургскаго. Съ портретомъ и біографіей. 144 стр. Спб. 1895 Цѣна 10 к

3. Бесѣды на семь словъ Спасителя со креста. Высокопреосвященнѣйшаго Владимира, митрополита московскаго. Съ изображеніемъ Распятія, портретомъ и біографіей. 2-е изданіе. Спб. 1899. Цѣна 8 коп.

4. Изъ поученій о Іоанна Кронштадтскаго. 144 стр. Съ портретомъ и біографіей. Спб. 1896. Цѣна 15 к.

Остальныя брошюры разошлись.

Из Собр. Фонда
БИБЛИОТЕКИ СССР
им. В. И. Ленина